

дозрѣвавшихъ, кто скрывается въ лицѣ этого нищаго. *Житіе* прибавляетъ, что изъ хижины своей онъ часто могъ слышать плачь матери и жены, которыя продолжали грустить о немъ, и могъ видѣть ихъ. И лишь когда онъ почувствовалъ приближеніе смерти, онъ въ предсмертномъ письмѣ раскрылъ свою тайну. Да папѣ римскому было чудесно открыто, что отъ міра представляется человѣкъ Божій. Долго искали праведника по городу и лишь случайно узнали его въ убогомъ нищемъ, ютившемся въ хижинѣ у благотворителя. Въ рукѣ его была хартія, въ которой раскрывалась тайна его жизни. *Житіе* описываетъ далѣе, какъ узнали, наконецъ, въ этомъ нищемъ того, кого такъ долго жаждала душа, сначала отецъ, а потомъ мать и невѣста, какъ плакали они надъ бездыханнымъ тѣломъ, которое было явно прославлено Богомъ чудотвореніемъ. Но, конечно, и они должны были въ концѣ концовъ побѣлеть земную привязанность и земное горе, и они приняли и благословили подвигъ Алексія, человѣка Божія.

Мнѣ вспоминается сейчасъ это житіе, не только по непосредственной плѣнительности своей и по религиозной значительности своего содержанія, но и по контрасту съ толстовствомъ. Въстѣ съ тѣмъ парадоксія христіанскаго аскетизма обострена въ немъ до ужасающей степени. Ибо, съ мірской, съ человѣческой точки зрѣнія, Алексій совершаетъ рядъ бессмысленныхъ жестокостей, почти преступленій, онъ растаптываетъ рядъ жизней, попирая обязанности сына и мужа, совершая обманъ и даже невольное надругательство надъ чувствомъ своей невѣсты, онъ убиваетъ въ себѣ всѣ естественныя человѣческія стремленія, отказывается отъ знатности, отъ богатства, которыми онъ могъ воспользоваться для добра, даже отъ своего ума, въ довершеніе всего живя у отца и изо дня въ день видя, какое опустошеніе въ жизни любимыхъ людей производитъ его уходъ, онъ и тогда не хочетъ открыться и возвратитъ имъ мужа и сына... Это кажется жестокимъ изувѣрствомъ! И—однако—все это тонетъ въ сіяніи этого гроба, здѣсь, передъ этою святыней, утихаешь горе матери и невѣсты, умолкаетъ логика человѣческихъ чувствъ и страстей. Здѣсь, дѣйствительно, совершается выходъ по ту сторону добра и зла, попираются „естественные“ законы жизни души, мѣсто ихъ властно занимаютъ иные, непонятныя, міру невѣдомые законы, по которымъ все выходитъ наоборотъ, человѣческое зло становится добромъ, а добро зломъ.